5-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 17

ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

МАЙ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
МОСКВА, Тверская, 28 • Телефон редакции 3-43-56

1927 ГОД

ПЕРВОЕ МАЯ

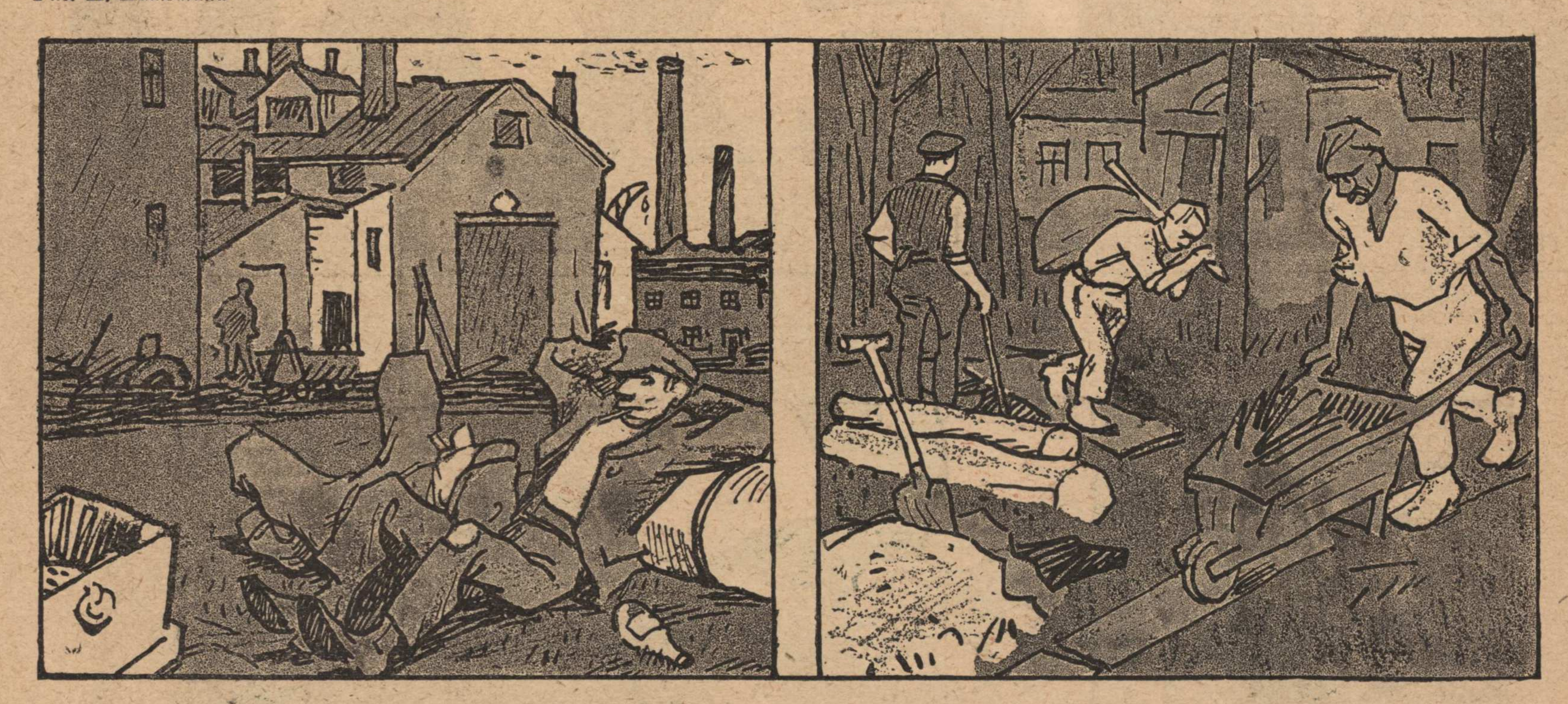
Рис. Б. Антоновского

НЕУКРОТИМЫЙ ПОДХАЛИМ:—Ай-яй-яй! К самому председателю совнаркома и столько людей без доклада напустили!!

ОТДЫХ И ТРУД

В некоторых санаториях начали применять лечение физическим трудом.

Рис. И. Малютина

Дом отдыха. — Санатория.

И В ЭТОТ МАЙ...

Весна — исток побед...
Весна — борьбы начало...
На знамя взяли мы ее зарю.
По рельсам тяжких лет
Нас время мчало
От мая к октябрю,
От Мая к Октябрю.

▼

Теперь весна приходит к нам, как гостья.
Ее приход теперь и прям и прост.
Но, как всегда, в ее могучем росте —
Наш безудержный
Наш весенний рост!

И, как тогда,
В годины бездорожий —
Великой мыслью о пути большом
Нас будет радовать и будет нас тревожить
Весны растущей
Дальний грозный гром.

За синей далью воздух полон гнева,
Там солнце смотрит сквозь туман и муть —
Но там взойдут
Весенние посевы
Осенних бурь,
Октябрьских наших бурь!

▼

И в этот май
Тяжелым верным следом
Борьба несет восход другой страны
Нам, как любимым сыновьям победы
И как счастливым первенцам весны.

АЛ. ЖАРОВ

ОКАЗЫВАЕТСЯ, ОЦМАХ ЖИВ!

НА Петровке, возле Мюра, стоит рябой человек в шапчонке из зайца и сиплым и надсаженным голосом кричит, помахивая книжонкой:

— Вместо рубля за двадцать копеек, или что делает жена, когда мужа дома нема! Только за двадцать копеек вы имеете шестьдесят новейших еврейских анекдотов, граждане! Оригинальное и забавное чтение для молодых людей!

Испытываю почти мистический страх, вручая заячьей шапке два своих читательских гривенника: откуда сей загробный глас из пришедших и покрытых уже пылью веков? Как говорится — автора! Кто автор? Граф Амори? Полковник Капшак? Дядя Михей? Девица Галина, сообщавшая в свое время новости великосветской жизни в бульварных листках? Издание? Гублит?! Календарная дата?!?

Издание авторское, составлено Б. Оцмахом в Москве; из Москвы частным письмишком отправлено на Кубань и, с благословения тамошнего Окрлита, числом двадцать тысяч, отпечатано в государственной типографии в Краснодаре; из Краснодара же багажом возвращено, для просвещения молодых людей столицы, обратно в Москву. „И вот— знакомая тропа, и бег коней усталых, и дрожь осеннего листа“... Сказано это не о Петровке, а совсем наоборот, но очень похоже; впрочем, лист—что же?—нехай дрожит, бог с ним. Нас интересует еврейский анекдот, как таковой.

На Петровке обычно обманывают. Пуговицы—самосадки, в которых заключено, по уверению продавцов, счастье холостых людей, не поддаются никаким героическим усилиям купившего, и ни за что не вщемляются в брюки; вечные

иглы для примусов ломаются, не достигнув домашнего очага, еще в кармане; прыгающие лягушки и бегающие мыши чахнут и увядают в вашей квартире с быстротой, с какой гибнет обкуренный серый чиж; детские бомбы не взрываются, хлопушки не хлопают, соловьи молчат, как убитые, и ароматная французская бумага, будучи пущена в дело, издает нестерпимую и удушливую вонь; любителю же легкого чтения, купившему все за те же двадцать копеек описание невероятной жизни прекрасной куртизанки Миримы при дворе испанского короля—под обложкой с портретом названной прелестной Миримы, приходится обнаружить нередко вполне ветеринарные страницы о сапе и его лечении у крестьянских лошадей по материалам ахтырского земства за прошлые, как деликатно говорится в подзаголовке, годы.

Надо отдать Б. Оцмаху и его торговому аппарату—должное: они работают без обмана. Во-первых, это действительно анекдоты, во-вторых, их действительно шестьдесят, и в-третьих, хоть там, строго говоря, и не рассказано в деталях, чем именно занимается жена, когда мужа дома нема, но тема и изложение честно заключены в рамки названного лозунга человека в шапке из заячьих хвостов.

Итак:

„ — Подумайте, Ионтевзон, нельзя же так легко расстаться с женщиной, которая подарила вам восемь детей!

— В том-то и дело, что я терпеть не могу подарков!..

Или:

„Врач, отходя от постели больной, говорит, покачивая головой, мужу:

— Вы знаете, ваша жена мне не нравится.

— О, вы правы, мне она уже давно не нравится!“

И еще:

„Старик Брамсон скончался, завещав перед смертью, чтобы в гроб ему положили из наследства, оставленного детям, 5.000 рублей.

— Мы положим ему эту сумму полностью—сказал старший сын,—но нашими векселями с платежом по пред'явлении; это не хуже, чем наличными деньгами!“

Наконец:

„— Послушай-ка, ты верно слеп и глух, если не замечаешь, что творится у тебя под носом? Ведь у твоей жены четыре любовника!

— А хоть бы и так! Я предпочитаю быть участником на 20% в хорошем деле, чем на все 100% в плохом!“

В таких случаях, поставив точку, спешат об'явить, что можно смеяться. Смеющихся обычно не бывает, однако, но кто-нибудь задумчиво скажет, разряжая напряженную и томительную тишину, что как-будто он уже слышал это где то... Да, да, вспомнил: в 1884 году, возвращаясь из Щигров в Фатеж и встретившись в буфете с Прохором Иконниковым, частным приставом... Так... так... Как, однако, долго живет народная... гм... мудрость!

Нет сомнений — имы встречались в каких-то годах, с Б. Оцмахом по дороге из Щигров в Фатеж, или, напротив, из Херсона в Аккерман. Нет сомнений, это он поставлял в Киев на Крещатик, и на бульвар в Одессу и на проспекты в Петербург открытки для некурящих и эти же зеленые книжечки с анекдотами, растравлявшими вражду и презрение к нации, которая не имела тогда права на жизнь: только вместо нэпмана в них фигурировал тогда купец и вместо еврея... жид.

Это он сочинял смешные стишки о черте оседлости, из заглавных букв которых получался погромный клич, и акцентировал, наклеив горбинку на нос, с эстрады, и издевался и глумился над народом, дрянной шуткой внося свою посильную лепту в Кишиневские и Одесские и Черниговские кровавые дела.

Гром, который грянул в октябре, не убил, оказывается, Оцмаха. Жив, прохвост! Чуть перекрасился, пробежал карандашом по старой тетради „подслушанных и записанных“ пошлостей, осторожно переслал пошлости из Москвы в Краснодар, из Краснодара, где люди сонливы и даже на собственном смертном приговоре могут поставить разрешительный гриф—привез обратно, в Москву,—и вот:

— Ор-ригинальное и забавное семейное чтение для молодых людей!

Оказывается, Оцмах—жив!

А. ЗОРИЧ

СЧАСТЛИВЫЕ ЧАСОВ НЕ НАБЛЮДАЮТ

Рис. Ю. Ганфа

УЧИТЕЛЬ: (мечтательно): — Время летит поразительно быстро. Вчера я только получил жалованье за январь, а сегодня уже май на дворе!..

КОЛИЧЕСТВО И КАЧЕСТВО

Книга Синклера вышла под разными названиями: „Искатель счастья“, „Искатель правды“ и „В поисках правды“.

— Вам какую угодно-с? „Искатель счастья“, „Искатель правды“ или „В поисках правды“?

— Да я больше в поисках хорошего перевода...

ЧТОБЫ НЕ ЗАБЫТЬ

— Вы знаете, чтобы не забыть о снижении цен, Сидоров завязал на платке узелок.

— Ну и что-же? Снизил цены?

— Нет. Стал сморкаться пальцами.

РАЗГОВОР БЛЕДНОЛИЦЫХ

Рис. М. Черемных

АНГЛИЙСКИЙ БАНКИР: — А ведь китайцы-то, кажется, решили пойти на мировую.
АМЕРИКАНСКИЙ БАНКИР: — Да. На мировую, но—к сожалению—революцию!

БАЙКА ПРО УДЕНДАЙКА

Мне сказал редактор:—Дай-ка
Тридцать строк про Уделдайка—
На кого он там похож?
Общий вид его и свойства
Разрешившего посольство
Наше выдать на грабеж!

Вняв серьезному заказу,
Я немедленно и сразу
Впал в решительную грусть:
Где мне взять перо и краски
Если этакий голландский
Должен быть описан гусь?

Из песка его не слепишь
И монокля не нацепишь:—
Разве выдержит тесьма?—
И оттуда и отсюда
Внешность общая у Уден-
дайка—тусклая весьма.

В круг такого Удендайка
И других—поменьше—стайка.
И моя ли тут вина?!—
Мне, ей-ей, сказать неловко:
Он—старейшина,—головка,—
Дипломатов Пекина!

Авантюре Джан-Дзо-Линьей
Крышка завтра или ныне,
Записав ее на слом,
Подвинтив покрепче гайку,
Всю грабительскую шайку
К Удендайку мы пошлем!

НИК. АСЕЕВ

ТАЛАНТ

Невидимый в полутьме густой бас с верхней койки, под чечотку вагонных колес, рассказывал:

— А собой был невзрачен, глаза разные, с крапинкой, нос фитюль-кой и носил он всегда вицмундир и фамилию Ижицын. Судьба, старая, хмурая дура, улыбнулась ему в те поры, когда он, теребя бороденку, пережевывал перед классом своих вымерших классиков.

— И тогда—ммм... н-да-да... Мильтиад, так сказать... Обратившись к афинянам-ммм... Сказал им—мм-ня-мням...

Что сказал Мильтиад, никто в классе не слышал. Зато на уроках царила небывалая для гимназии странная тишина. За нее оценило Ижицына начальство, но тут брякнула революция и завял он надолго, так и не об'яснив, что за форма ут абсолютуса скрыта в древне-классической фразе, очевидно, кого-то из цезарей.

— „О, зачем ты, Костя, кошку вверх, хвоста относительно, подымаешь?"

Но талант есть талант и погибнуть не может. И уже в 21-м скромный Ижицын был назначен читать популярные лекции в самый бойкий из клубов за Яузой, где игривая публика не садилась на стул без хорошего кирпича про запас, на предмет одобрения.

Но представьте, только Ижицын начал читать,—не узнать стало публики. В клубе тихо,—как в детской, и самые отпетые хулиганы обратились в сонных младенцев. Даже пост милицейский с перекрестка убрали за полнейшей ненадобностью.

Тут схватилось за Ижицына его дом-правление. Поручило доклад прочитать на жильцовском собрании о работе, расходах и прочих обстоятельствах.

И выступил Ижицын, и так ловко прочел, что все самые щекотливые пункты незаметно прошли, а когда очнулось собрание—поневоле пришлось аплодировать от конфуза.

Пошел Ижицын в ход. Модным гостем стал всюду. А ежели спросит кто у хозяйки:

— Ну, зачем вы его приглашаете? От него ж мухи дохнут?—

так хозяйка на дыбки за Ижицына. И понятно. Потому—сонный гость меньше ест. И скорее расходится.

Дальше, знаете, больше. Профессор один, старичок—знаменитый, в ассистенты его к себе приглашал,—очень вы, говорит, на бессонницу убедительно действуете. Но напрасно. Взялся Ижицын за искусства. И комедию написал. Что? А публика? Ну, публика валом валила... в соседний театр. Да и что ему сборы! Расцвел Ижицын и без них.

— Что ж,—спросил кто-то снизу,—неужто он, ваш Ижицын, за всю жизнь не смеялся?

— Было раз,—сквозь зевоту ответил бас,—и то на постели. Услыхал чей-то спор. Про оживление клубной работы. Рассмеялся, икнул и помер.

Рассказчик затих.

Колеса стучали:

— Мир-пра-ху-мир-пра-ху-мир-пра-ху...

А паровоз неприятно завыл впереди:

— Ду-у-урр-а-ак!

ЛЕОНИД САЯНСКИЙ

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ

Рис. А. Радакова

Начато принудительное лечение алкоголиков.

Хроника

АЛКОГОЛИК:—Вот черти! Больного без очереди не пускают!..

Текст И. А. Пселдонимова

СКАЗОЧКА ДЛЯ ОЧЕНЬ МАЛЕНЬКИХ ДЕТЕЙ

Рис. Б. Антоновского

ЖИЛ да был на свете честный мальчик Ваня, каковой мальчик предавался невинным детским забавам.

Но больше всего на свете любил младенец пущать мыльные пузыри. Не особенно сознательный был отрок Ваня. В роде, как бы грудной.

Однажды пустил сей несовершеннолетний юноша разноцветный мыльный пузырь. И полетел пузырь, подгоняемый сочувствующим ветерком, над землей.

Заметили пузырь злые дяди.

— Эге!—сказал первый дядя.

— Пузырь!—подтвердил второй.—Вот такого-то нам и нехватало. Цапнем-ка мы его.

Закинули оборотистые дяди на пузырь веревочку - воровочку и сцапали пузырище. Любили дяди цапать. Этим и промышляли.

Тут набежали дядины родственники. Прямо, значит, трест образовался. Потому родственников—тьма. Отменили рукопожатие и стали корзину прилаживать. Это заместо общей канцелярии.

Ссуду получили под воздушное учреждение. Договоры подписали с госпредприятием.

— Душистые,—говорят,—ароматичные облаки поставлять,—говорят,—будем! По себестоимости!

Появились тети, которые по 8 разряду сетки. Стали дяди авансы брать.

— Мы,—говорят,—сгущенное солнце в баночках, как-бы в роде ваксы, поставлять будем. Тоже и запахом торговлю откроем.

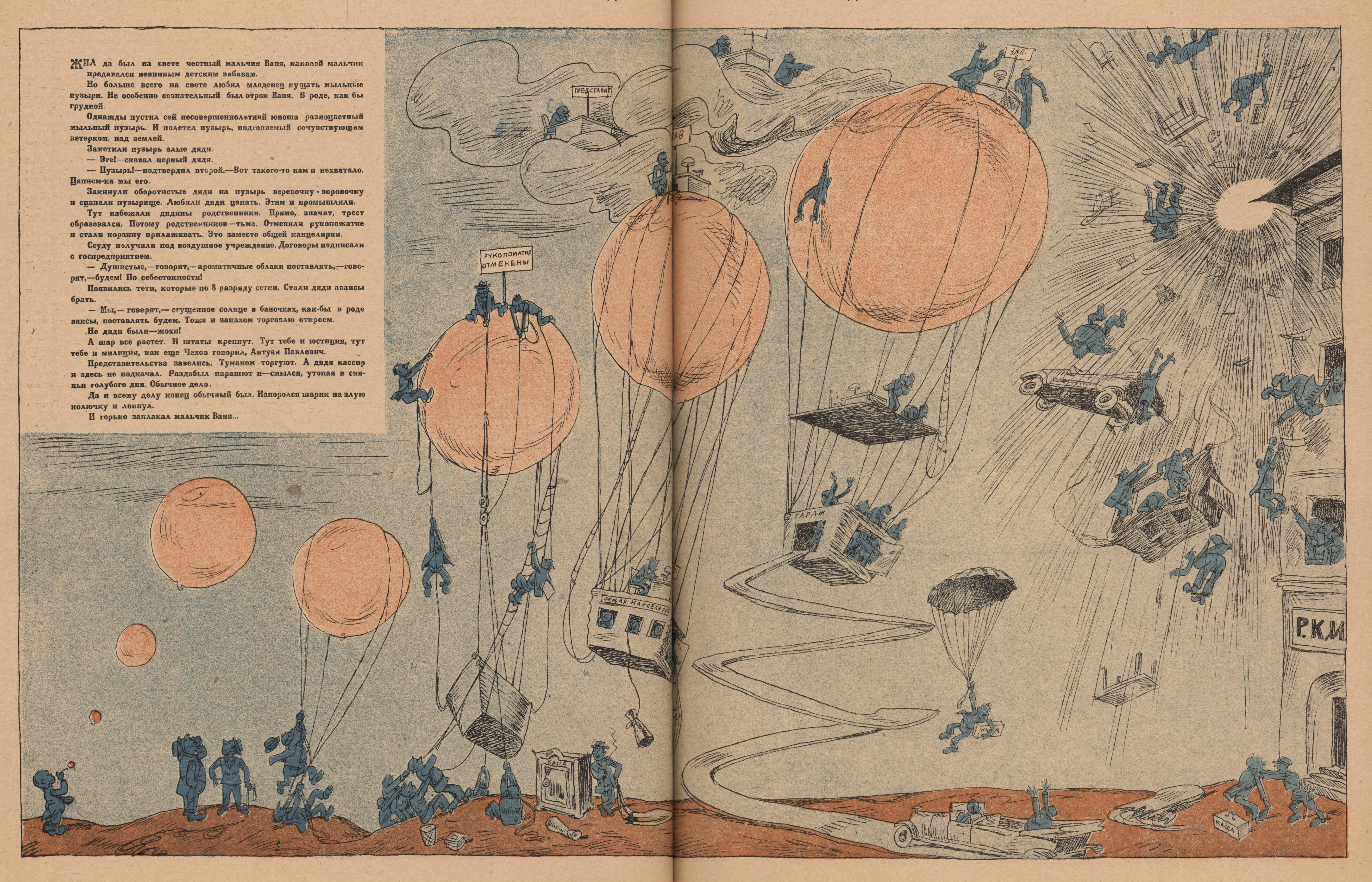
Не дяди были—жохи!

А шар все растет. И штаты крепнут. Тут тебе и юстиция, тут тебе и милиция, как еще Чехов говорил, Антуан Павлович.

Представительства завелись. Туманом торгуют. А дядя кассир и здесь не подкачал. Раздобыл парашют и—смылся, утопая в сияньи голубого дня. Обычное дело.

Да и всему делу конец обычный был. Напоролся шарик на злую колючку и лопнул.

И горько заплакал мальчик Ваня...

НЕРАВНАЯ БОРЬБА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ товарищ Трепыхалов отличался твердостью характера и разумной исполнительностью.

— Я,—дорогие товарищи,—говорил Трепыхалов, — больше всего не люблю кумовства, или, если так можно выразиться, протекционизма. Никто не может сказать, что Трепыхалов когда-нибудь устроил на службу родственника.

И действительно: сказать этого не мог решительно никто.

И все удивлялись твердому характеру и разумной исполнительности ответственного Трепыхалова.

▼

ТОВАРИЩ Трепыхалов, — сказал член правления,—с сего числа вы назначаетесь заведующим Козолуповским отделением нашего комбината. Поезжайте, милый, и подтяните. На вас, как говорится, как на каменную гору.

— Не беспокойтесь, товарищ член правления, Трепыхалов не подведет. Трепыхалов подтянет. На Трепыхалова, как на каменную... ей-богу... и никаких родственников.

▼

ПОЗВОЛЬТЕ, позвольте, — подумал Трепыхалов, под'езжая к городу Козолупову. — Да ведь я же в этом самом Козолупове родился и жил до двадцати лет. Как это я мог забыть? Чай, изменилось все. Насколько мне помнится, в Козолупове у меня уйма родственников. Но не беда. Трепыхалов покажет родственникам, где раки зимуют. Ни один родственник и на версту не будет подпущен к моему отделению!

Поезд плавно подкатил к платформе Козолуповского вокзала и остановился.

Платформа была запружена народом. Среди моря голов виднелись флаги и плакаты с надписью: „Добро пожаловать“ и „Пламенный привет товарищу Трепыхалову от родственников и близких“.

Когда Трепыхалов показался в дверях вагона, мощное ура потрясло своды вокзала. Трепыхалов отпрянул, но было уже поздно. Десятки рук подхватили ответственного товарища и принялись его качать.

— Гип ура, гип ура, гип ура, ура, ура!—организованно воскликнули родственники.

Духовой оркестр заиграл марш Буланже. У буфета I и II класса выстроился хор песенников в голубых вышитых рубашках и плисовых шароварах. Когда оркестр замолк, хор стройно запел:

> К нам пожаловал,
> К нам пожаловал,
> Товарищ Трепыхалов дорогой!
> К нам пожаловал,
> К нам пожаловал
> Товарищ Трепыхалов дорогой!

Трепыхалов вырвался из пылких об'ятий какой-то старухи, опрокинул вцепившегося в его ноги малютку в матросском костюмчике и ударился в бегство. Родственники с воем бросились за ним.

„К нам пожаловал, к нам пожаловал“—ревел хор.

Трепыхалов вскочил на извозчика.

— Гони полным ходом! — крикнул он, задыхаясь,—в гостиницу! Живо!..

Извозчик гикнул и лошадь поскакала. Родственники некоторое время держались сзади, но потом отстали.

— Уф! — облегченно вздохнул Трепыхалов, — пронюхали-таки, негодяи, о моем приезде. Борьба предстоит нелегкая... Ну здесь Трепыхалов не подкачает!..

— А ты, Иваша, совсем не изменился!—ласково сказал извозчик, оборачиваясь,—вот только оброс усами малость.

— Кто вы такой?—простонал Трепыхалов.

— Ай-яй-яй!—укоризненно подмигнул извозчик, — дядю своего двоюродного с материнской стороны не признал. Да-с. Дядя я. Лядунко, Ерофей Кузьмич... Езжу вот все и думаю: приедет, думаю, племянничек, при месте устроит на старости лет.

— Стой!—закричал Трепыхалов,—стой, сатана!

И, погрозив двоюродному дяде кулаком, Трепыхалов пошел пешком. Дядя некоторое время ехал сзади.

— Ай-яй-яй! — бормотал он, — обидели старичка, обидели!

Трепыхалов вошел в гостиницу. Несколько фигур с визгом бросились ему на шею.

— Братец приехали!.. Столичный кузен! Мамаша, идите встречать племянника!

Трепыхалов страшно выругался, ударил одну из фигур по морде и выбежал на улицу.

▼

НОЧЕВАЛ Трепыхалов на письменном столе в своем учреждении, под голову подкладывал футляр от ундервуда и укрывался промокательной бумагой.

На улицу выходить опасался. Перед окнами его кабинета весь день дежурили родственники, а по ночам раз'езжал извозчик Лядунко.

Разламывая хлеб, Трепыхалов находил в нем такие записки:

„Стыдись, Иван! Так безжалостно сторониться своей престарелой тетки может только бессердечный человек. Но я не сержусь на своего маленького племянника. Мои дочери, твои кузины Тусичка и Туничка, тоже не сердятся. Они уже тоже очень хорошо печатают на машинках.

Твоя старая тетка Раиса Говоруха-Меламед.“

„Брось, Васька, валять дурака! Лучшего секретаря, как Гришу Гофмаршала, тебе не найти, как без ночного фонаря. Помнишь, как мы игрались в детстве?

Твой ближний родственник Г. Г.“

„Товарищ Александр! Вы вероятно помните наши совместные студенческие идеи и общность воззрений. Сейчас я свободен и могу занять ответственную должность.

С искренним пока *А. Подмышников.*“

Трепыхалов страдал.

„Победить или умереть!“—шептал он побелевшими губами.

▼

ТОВАРИЩ Трепыхалов, — доложил главный бухгалтер,—нам по штату полагается счетовод. Как быть?

— Через биржу труда!—злобно ответил Трепыхалов.

На другой день в кабинет Трепыхалова пришел бухгалтер.

— Есть,—сказал он,—прислали с биржи счетовода. Молодого человека. Работает уже.

— Ну пусть работает,—сказал Трепыхалов и показал стоящим за окном родственникам большой кукиш.

Трепыхалов повеселел и пополнел. В кабинете была поставлена кровать, на которой Трепыхалов спал. Завтракал и обедал он в общей канцелярии.

— Ну, как счетовод?—спрашивал он иногда у бухгалтера,—работает?

— Работает,—говорил бухгалтер,—что ему делается.

Однажды, развернув газеты, Трепыхалов ахнул. В заметке, под заглавием „Подвинтить гайку“ было напечатано:

„С кумовством у нас неблагополучно... Известный зав. т. Трепыхалов на-днях принял на должность счетовода своего сына. Нужно кому следует подвинтить гайку.

Рабкор Могучий Интеллект“.

Трепыхалов схватился руками за голову.

— Позвать счетовода!—крикнул он.

Вошел молодой человек.

— Ты сын?—прохрипел Трепыхалов.

— Так точно. Сынок-с,—прошептал юноша.

— Мой?

— Ваш, папенька. Только, извините, побочный. Как только вы из нашего города изволили выехать, я и родился.

Трепыхалов потерял сознание.

КОГДА Трепыхалов уезжал из Козолупова, его никто не провожал.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

ВЕСЬ В ПАПАШУ

Рис. М. Черемных

— Я тозе хоцу играть...
— Сначала подай заявление.

МЕДИЦИНА

В ДАЛЕКОМ Париже знаменитый профессор в сотый раз хвастливо демонстрировал огорченного бывшего петуха с подлой куриной наружностью.

Петух жалобно квохтал, закатывал радужный глаз и нес яйца во славу науки.

А в это время в пропахшем карболкой, убогом кабинете станционной русской больнички, усталый врач, поскоблив себя за ухом, задумчиво говорил небогато одетому посетителю:

— Все это, почтеннейший, так. И отзывы у вас прекрасные, но...

— Очень я вас прошу,—уныло сипел посетитель,—главное дело, ежели б я какой-нибудь там начинающий безработный... а то ведь со стажем,—два года на биржу хожу...

— Не положено нам по штату лекпомов-то— вздыхал врач,—зачислить вас разве на другую какую должность?..

— Хоть в собаки зачислите, только б работу...

— Ну, зачем же в собаки,—сказал старший врач—найдем и другую графу...

И нашел.

▼

ЗА окошком вагона сизой лентой ползли ранние сумерки, когда дюжий проводник, вставив толстые свечи, вытер пальцы полою и многозначительно бросил, не глядя на публику:

— Ось теперечки и светло. Нехай и контроль идеть.

Вслед за этим долговязый брюнет в пестрых брюках печально поморщился.

— Ц-ц... опять эти билеты? И кого это надо, скажите? Вот тебе и свободный проезд...

И с грустной улыбкой, но умело и быстро полез под диван.

Озаренный трепещущим нимбом двух кондукторских фонарей, появился в дверях контролер.

Злобно щелкая кусачками, обошел полвагона, взял у женщины с узелком казенный билет и мрачно буркнул:

— Кажить и бумаги.

Прочитавши бумажку, контролер поднял брови, густо гмыкнул и снова прочел уже вслух:

„— Дано сие медсануправлением ЮЗА... № 98311... гражданке Евдокии Киселевой...— так-так...— что она в качестве жены сестры милосердия имеет право на бесплатный проезд...“ Гм... жены? От так-так!..

Контролер оглядел пассажирку в невидимый микроскоп и сказал укоризненным голосом:

— Бабка, бабка, имей рассудок у своей голове. Чья же именно ты выходит жена?

— Киселева — охотно ответила добрая женщина,—а что еду я, это факт,—на комиссию. Как у нас ее нету...

— Я не спрашую за комиссию, а какой у вас муж?

— Муж, что надо. С бородой и в подробностях.

— Да ведь здесь же показано, что ты за сестрой милосердия замужем?

— Значить так,— согласилась добрая женщина, а вагон захихикал.

— Ето нонече бываеть,—поддержал ее старший,—это нонече просто. Беруть бабу и чик.— в мужики. Или курицу тоже В петухи производят. По случаю мужского нехватка.

— Что ты мелешь? рассердился начальник,— разве это возможно?— А где ж циркуляр по дороге?

— Чиркуляра на ето еще нема. Но в газетах уже. И, вообще, по науке положено...

— А на бабах, на бабах жениться положено?— закричал страшным голосом ревизор и быстро решил:

— Ну, раз так, то снимаю я вас, расторопная гражданка, с поезда, в виду оного полового вопроса... Пущай агенты там разберут, кто на ком оженился, а я этого в поезде допустить не могу-с. Может даже за это штрафують...

А когда добрая женщина с маленьким узелком, но с большим-таки плачем, ушла вслед за контролем, из-под койки ужом выполз давешний пассажир, отряхнулся, как пудель, и грустно сказал:

— Ц-ц... Опять половая проблема? И кого это надо, скажите? Вот тебе и свободный брак!..

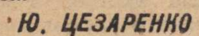
▼

ЭТО было на станции Бобринской. Очень недавно. А в больнице до сей поры служит диковинная сестра милосердия.

По фамилии — Киселев. С бородой, женой, в штанах и „в подробностях“.

Но, заметьте, мы этим не хвастаем.

Эх, Европа, Европа! Далеко, брат, тебе до нас. И—до станции Бобринской.

Ю. ЦЕЗАРЕНКО

НАСТОЯЩАЯ ЖЕНЩИНА

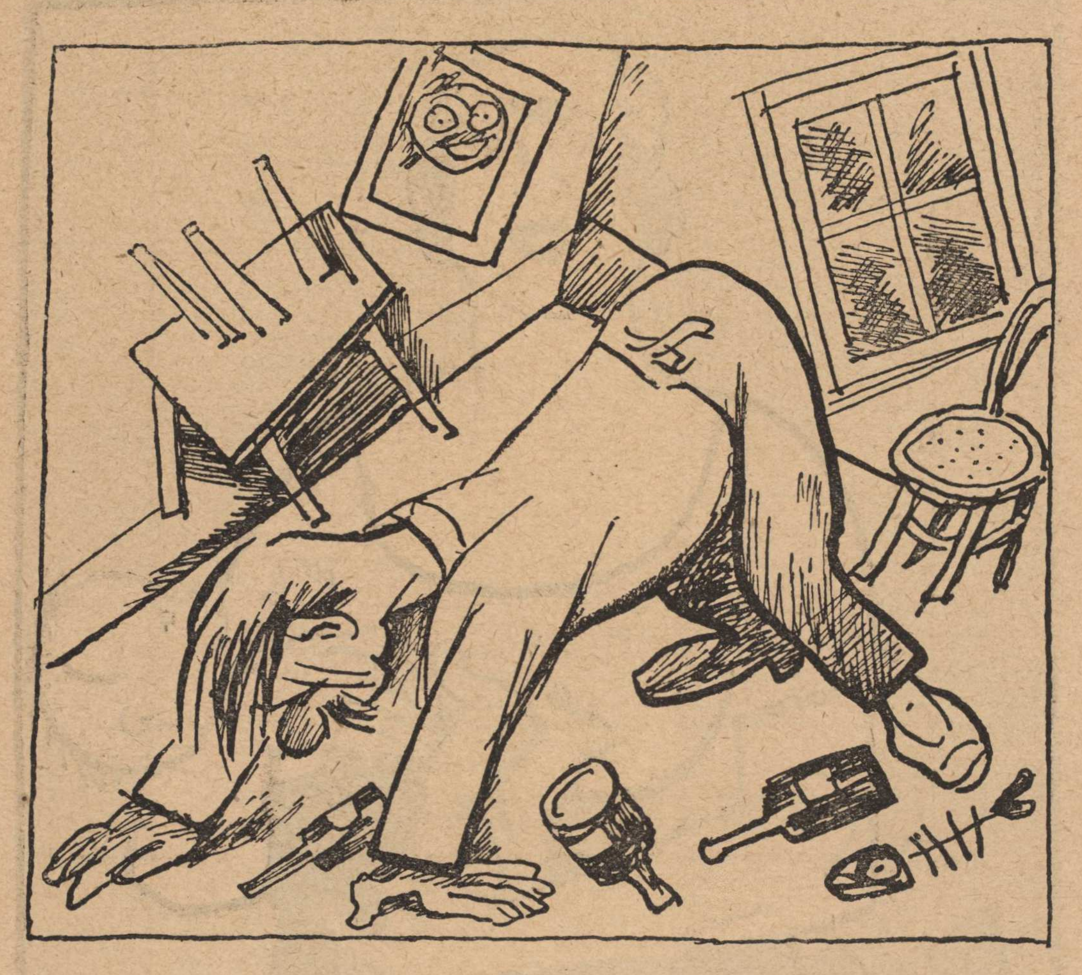
Рис. Б. Малаховского

— Вот мой ответ на половой вопрос!

ВОПРОСЫ ДНЯ

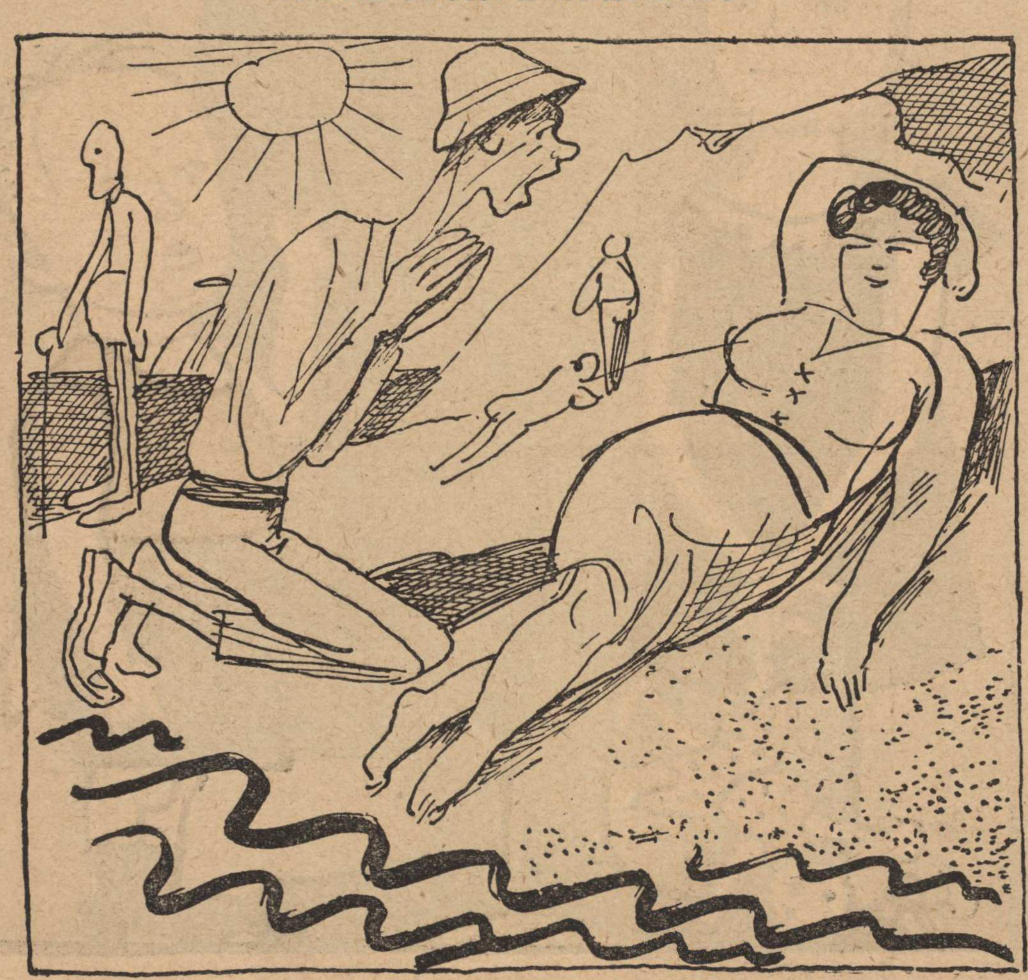
ПРОБЛЕМЫ ПОЛА

Рис. А. Радакова

— О, ч-чорт! Никак с полу не могу п-подняться!

ХРОНИЧЕСКОЕ ПЬЯНСТВО

— Ниночка! Вы опять меня опьяняете!

МАТЕРИНСКАЯ ОБУЗА

— Местечко это свободное?

— Свободное. Садитесь.

— Спасибо, милые... Третья пересадка, а мне семьдесят лет... Трогаемся, никак?

— Тронулись.

— Смотрите же! На минутку опоздала бы и капут. Верь после этого чертям носильщикам! Вы, говорит, бабушка, не пугайтесь, поезд еще час простоит.

— А вы, мамаша, куда же трясетесь?

— Далеко. В самое Баку.

— Ишь ты, а мы, ведь, в Архангельск.

— Ну, что ж. Каждому свой путь... И Архангельск не близок свет... А вы как едете? По бесплатному билету?

— Нет. Мы платные.

— Вот оно что... По необходимости, значит, едете?

— А как же? А вы разве без нужды?

— Ах, милый, милый, ну, совсем же без нужды! Железнодорожники мы, вот в чем наше горе!

— Какое же это горе?

— Не знаешь, милый, так и не говори. А горе такое, что волос дыбом встает. Скажем, ты знаешь, что каждому, ну совсем то-есть каждому железнодорожнику полагается целых шесть бесплатных билетов и по ним можешь ехать хоть на край света?

— Здорово!

— Здорово? Эх, ты! Не было бы этих билетов,—не тряслась бы горемычная Агафья Тихоновна гражданка Сердюкова в распроклятый город Баку!

— Ай, ай, яй...

— Сочувствуешь? Ну, спасибо. Теперь суди сам: есть у меня сын? Есть. Егор Пименыч. А кто же еще? Слесарь? Не кузнец же. Полагается ему шесть билетов? Обязательно. Страдает он от того, что билеты пропадают? Непременно. Вот он и говорит мне:—„Лежите вы, дорогая мамаша, на боку и горя вам мало, что у вашего сына шесть кровных билетов ни по чем пропадают. Кабы,—говорит,—было у вас сердце, не допустили бы вы такого огорчения“. „Сын,—отвечаю,—мой дорогой, Егор,—говорю,—Пименыч, да я для тебя все уважу, но только куда ехать?“—„Ехайте,—говорит,—в распроклятое Баку, там, знакомые рассказывают, шелковые чулки и компот ни по чем дешевы“.—„Егор,—говорю,—Пименыч, —кому,—говорю,—шелковые чулки носить? Вы—портянки обожаете, а я насчет суконных чулок интересуюсь“.—„А, может,—говорит,—в Баку портянки ни по чем? Езжайте, мамаша, нельзя же билетам пропадать...“ И еду я, мои милые, уже три дня, а сколько мне еще ехать, ума не приложу. Приеду, смотаюсь на базар, куплю компоту и портянок и назад. Вот одному билету и крест. А их еще пять, милые мои! Ну ладно: можно будет в Одест скататься, там, говорят, цикорного кофея можно достать, а потом куда ехать? А ехать придется. Егор Пименыч у меня такой: пока я всех шести билетов не промотаю, до тех пор не успокоится. Ну я промотаю, а к тому времени новый год подойдет, а это, значит, шесть новых билетов.

— Помрешь, может, к тому времени.

— Кабы! А как не помрешь? Род-то наш живучий!

— Ввввваш билет!

— Контроль!

— Куда ты едешь, бабка?

— В Баку.

— Э, чтоб тебе! А поезд идет из Баку в Москву. Слезешь, бабка, на станции...

ЕВГРАФ ДОЛЬСКИЙ

СВЕРХУРОЧНЫЕ МЫСЛИ

● **Если бумажка циркулирует от зава к другому, к третьему и т. д. — она от того циркуляром не делается.**

● **Если ты перешел границу нормальных расходов, — ты еще не эмигрант.**

● **Между фотографом и прокурором есть разница: первый своим аппаратом снимает в одной камере, а второй своим аппаратом сажает в разные камеры.**

СТ.

Лекции для смехачевской коллекции

Уважаемый лектор Поссе знает какую-то „правду о женщине“. Недавно он резал ее с кафедры в Тифлисе, при полном аншлаге. Как говорится, хлеб соль ешь, а правду о женщине режь!

— Лекция показала,—говорит „Заря Востока“—как лектор безграмотен в политическом отношении.

Попутно Поссе режет и о мужчинах:

„Так, он сообщил слушателям,—пишет та же газета, — что взгляды Луначарского ничем не отличаются от взглядов Поссе“.

Резал, резал и чуть не зарезал Анатолия Васильевича... Слушатели во время отвели руку страшного лектора и — успокойтесь!—Анатолий Васильевич не пострадал.

Дело в том, что дальше Поссе зарезал самого себя.

„Поссе еще рассказал, как он томился в тюрьмах **при белогвардейцах 12 лет**“.(?)

Как же,—помним: это было после перекопского наступления, когда Поссе с аэроплана бросил бомбу в Александра II и был захвачен английским броненосцем, блокировавшим Обводный канал, где работали в то время врангелевские пластуны, направлявшиеся под звон лекторских колоколов к стенам Красного Кремля.

Вы думаете, что только в Тифлисе Поссе попал в историю? Заблуждение! У него сто процентов таких попаданий еще со времен Очакова и покоренья Крыма!

Эй, провизор, живо... подай бутылку пива!

Прилукское **аптекоправление** заключило договор сElls Госпивтрестом „Новая Бавария“ на поставку аптекоправлению **свежего пива „на предмет снабжения населения“**, как сказано в договоре.

А как на счет вареных раков?.. По предписанию врача.

Внутреннее.

Rp. Raki 1,0
Ukropi 0,5
Perzi 0,2
Aqua piwi quantum satis

Dsp. Dr . . . . . .

Если прилукское аптекоправление не знает, откуда можно выписать раки, то, вероятно, в этом делееему теперь придут на помощь и покажут, где раки зимуют!..

Сколько их? Кого там поят?

Уездный городок **Сычевка** должен настаивать на переименовании его в **Бутылкоград**.

Основания для сего ходатайства достаточные.

В Сычевке: 1) три магазина центроспирта, 2) один магазин Азвино, 3) один магазин Узбеквино, 4) один магазин Украинвиндела, 5) винный отдел Церабкоопа, 6) три пивных с крепкими напитками Ленепо, 7) пивная, с крепкими, местного рабкопа и 8) много частных винно-пивных магазинов и лавок...

И захлестывают маленький островок Сычевку азволны и узбекволны моря разливанного...

И ничего в этих волнах не видно местным администраторам...

По колена им, что ли, это море?..

А, между тем, в известной песне поется:

По морям, морям, морям
Нынче—здесь, завтра—там...

Как бы славным морякам, которые нынче в Сычевке, не очутиться завтра... там... у тихой пристани ЦКК.

ЧУДЕСА ТЕХНИКИ

За телефон будет взиматься поразговорная плата.

Рис. Н. Радлова

— Марья Васильевна! Почему вы платите за телефон вдвое меньше, нежели я?
— Очень просто! Я ведь вдвое быстрее разговариваю!

Тысяча и одна ночь на службе сборов

Не знаете ли, читатели, где сейчас находится изгнанный из пределов Турции султан турецкий?..

Верно ли, что он скрывается на службе сборов управл. Екатерининской жел. дороги и зовется ныне Василием Васильевичем Кривцовым?

Ведь, именно Василий Васильевич Кривцов со своими верными гяурами пытался гаремизировать службу сборов, полагая, что это... служба сотрудниц для сборов в спальне начальника...

Иной раз, правда, Кривцов-паша сам снисходил до комнаты сотрудниц.

В ответ на ходатайство сотрудницы о переводе в другой отдел, железнодорожный паша снисходительно заявил:

— „Если пригласите меня к себе в комнату, то переведу.

Только знайте, **я одной выпивкой не удовлетворяюсь**“.

И ведь, сидит такой неудовлетворительный начальник до сих пор в учреждении, вместо того, чтобы сидеть совсем в другом месте...

Сподвижник Кривцова, Гажура-паша, нач. тарифной части, разводит в письмах к тем же сотрудницам половую философию:

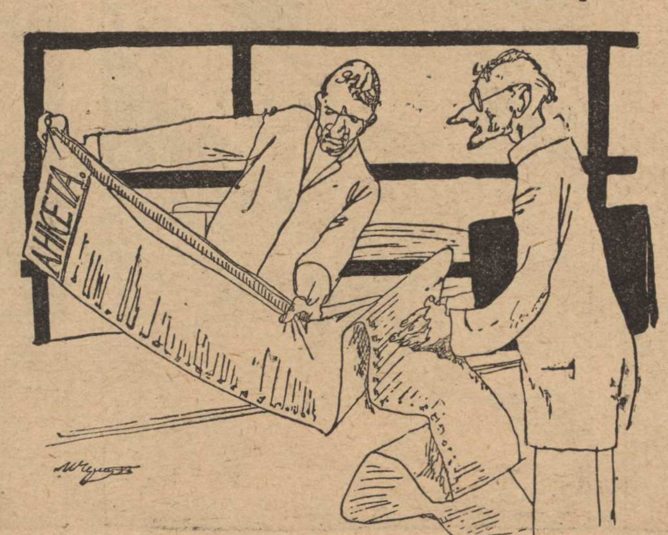
— „Что же касается подсознательной области... то я, ведь, тоже человек живой, не чуждый человеческих слабостей и, конечно, не скрою, что я свою физическую сторону (!) держу в руках (!!). Я не адская машина, что сама взрывается, **а всего навсего заряженное ружье в ваших руках. Само не выстрелит, не бойтесь!**“

Ну, не скажите... Бывает, что и метла стреляет — особенно, та метла, при помощи которой нужно начисто вымести из советских учреждений затесавшихся туда безработных султанов, пашей и мышиных жеребчиков.

„БУМАЖНАЯ“ МАТЕРИЯ

(Последнее слово кооперативной статистики).

Рис. М. Черемных

„В Костромском рабкоопе получена для заполнения анкета в 3 метра длиной“.
„Раб. Газета“.

Издатель—„ГУДОК“.
Отв. редактор—**И. Н. Пирогов.**
Главлит 85726. Москва. 5-я типо-литография „Мосполиграф“, Мыльников п., 14. Тел. 4-88-39. Зак. 1419. Тираж 110.000 экз.

ЕВЛАМПИЙ КАРПЫЧ НАДЬКИН НАШЕЛ ДЕНЬГИ

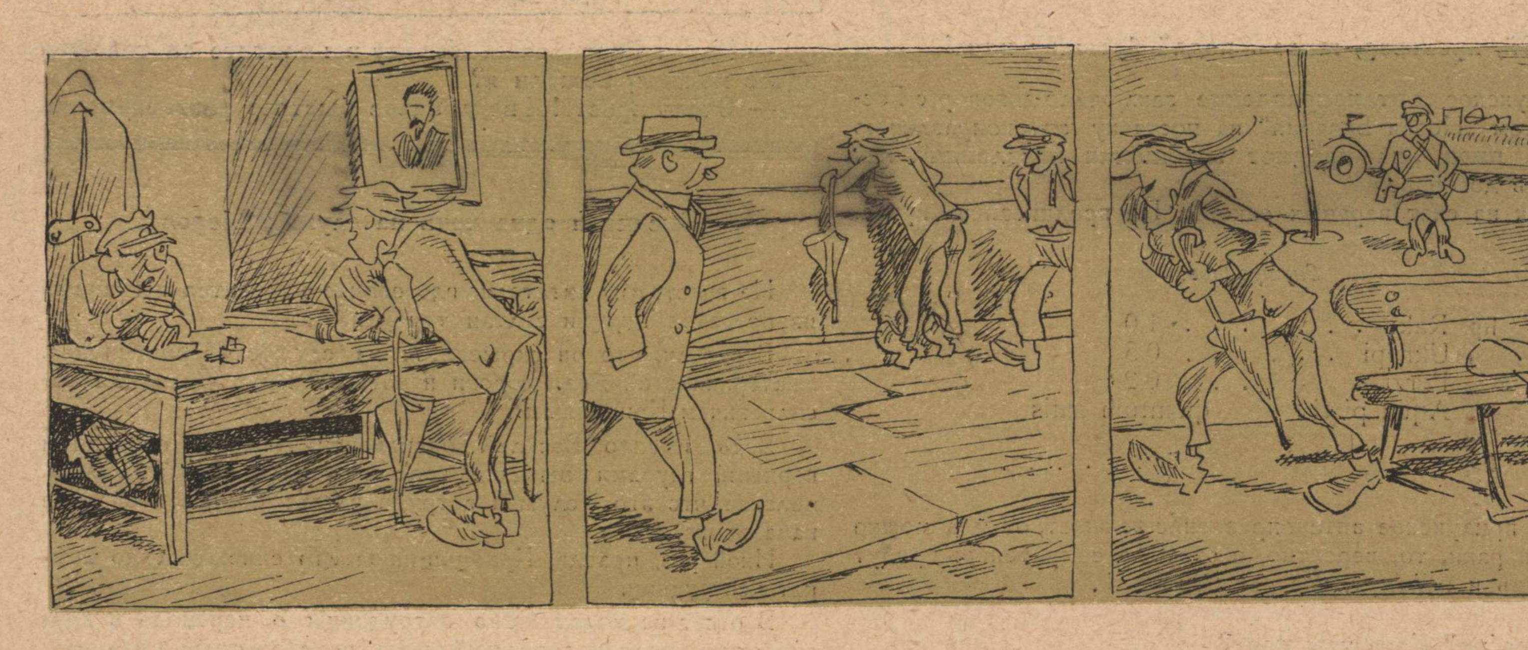
Рис. Б. Антоковского *Текст Ив Пруткова*

1. Находка! Тысяча рублей!!!
Судьба не насмехалась злей...

2. Пока к ответу не сгребли,
Спешит Евлампий сдать рубли.

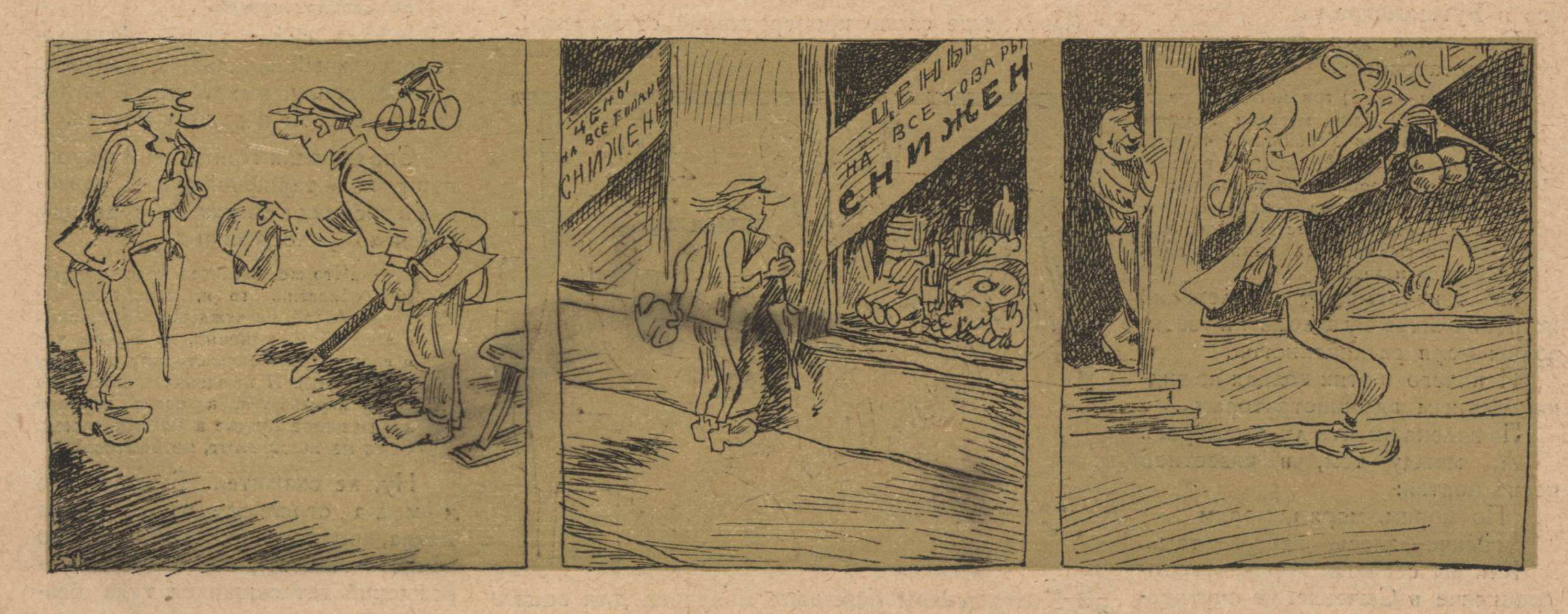
3. В „столе находок". Пот течет...
— „Приема нет: переучет..."

4. В милицию примчался.—„Я-с..."
— „Придите завтра. Ровно в час".

5. Нацелился швырнуть с моста,
Да больно людные места!

6. Находку страшную свою
Кладет тихонько на скамью.

7. И что же? Постовой—вослед:
— „Забыли, гражданин, пакет!"

8. В раздумьи трет Евлаша лоб:
— „Ба! Не зайти-ли мне в кооп?"

9. Ура! Победа! Повезло:
Заместо денег—пол-кило!